

□Особенным□

До сего момента это слово в жизни Ци Цзина практически не встречалось.

У него была старшая сестра и младший брат, поэтому, пока он был маленьким, все, что он ел и все, чем он пользовался, – неважно, что именно это было, – делилось между ними тремя. Он никогда не обладал привилегиями единственного ребенка и не получал от окружающих особого внимания.

Повзрослев, он выбрал себе занятие, связанное с командной работой, – поиск новостей, их съемка и редактирование никогда не делаются в одиночку. Все рабочие достижения тоже не предполагалось приписывать одному человеку, поэтому даже когда он по итогам года однажды получил награду за лучшую новость, ее тоже вручили «команде».

Даже тогда... когда он во время учебы в университете влюбился в мужчину, рядом с тем был кто-то еще.

Он уже привык быть одним из многих. Не было никого, кто бы считал его «особенным», кроме...

У Ци Цзина внезапно увлажнились глаза.

Но все-таки он думал, что проливать слезы из-за такой простой фразы в его возрасте было бы слишком глупо, поэтому стиснул зубы и постарался их сдержать. Но палец все равно неосознанно прижал клавишу F2 и на мгновение отключил микрофон, чтобы никто не услышал, как он задыхается от рыданий.

– ...Такой хитрец... – хотя это было произнесено спокойным и непринужденным тоном, Ци Цзин все равно счел это хитростью.

Шень Янь хитро забрал с недавшую его прежде зависть к другим людям, тревогу, которую он испытывал в отношении себя, беспокойство о том, что их настоящие отношения вызовут неодобрение, и развеял все это.

– У меня не было ни шанса попросить об этом, а ты уже дал мне все... – Ци Цзин слегка всхлипнул, а затем беспомощно рассмеялся. – И как мне теперь честно попытаться превзойти тебя?

Неудивительно, что кто-то раньше сказал, что... продюсеры, уже получившие эксклюзивные права, никогда не торопятся с производством – им не нужно волноваться о том, что конкуренты украдут их работу.

– Не балуй своего парня слишком сильно. Что будет, если я в таком случае потеряю желание

прогрессировать?

Хотя Ци Цзин это и произнес, голос, которым он это сказал, был хриплым, с тихим смешком. В итоге Ци Цзин все-таки поднял руку, вытер уголки глаз и только потом нажал клавишу F2.

Прямо сейчас в составе участников значились [Не спрашивай о дне возвращения] и [Гуси летят на север].

Когда эти два ника встали бок о бок, Ци Цзин почувствовал, как его сердце захлестнула волна удовлетворения.

Однако слушателям это не доставило никакого удовольствия, даже наоборот. Их подвело непредвиденное несоответствие между ожиданием и реальностью – и оставило равнодушными.

Слушатель 1: Э?.. Гуси летят на север? Гуси летят на север... А кто это?

Слушатель 2: Э, это что, правда настоящий ник Папы Котика? Я о нем вообще никогда не слышала. _(:з[∠)_

Слушатель 3: Э? Так это не побочный аккаунт какого-нибудь Великого Бога? _(:з[∠)_

Слушатель 4: ...Я тоже никогда раньше о нем не слышал. И типа чувствую разочарование, как и люди выше. Оказалось, что это какой-то рядовой ID, о котором я никогда не слышал...

Слушатель 5: Ха? Папа Котика – это не какой-нибудь Великий Бог? Выходит, он на самом деле – просто никто? Но по сравнению с его навыками титул «Великий Бог» что-то бледноват сталбыть _(:з[∠)_

Слушатель 6: Честно говоря, я немного разочарована, потому что я была уверена, что Папа Котика – побочный аккаунт какого-нибудь Великого Бога, ну или какого-нибудь профессионального актера озвучания. Я так долго и безрезультатно пыталась нарыть эту информацию, а когда он сам ее обнародовал, оказалось, что я об этом нике вообще ни разу не слышала... Эх, в принципе – никакой разницы, как будто он его и не открывал, я из тех людей, кто мыслит практично.

В чате для публики множество слушателей спрашивало друг друга, кто такой «Гуси летят на север», и выражало свое разочарование. Возможно, раньше они были слишком уверены, что увидят ID какого-то Великого Бога, и поэтому, когда они обнаружили совершенно лишенный

славы, даже более неизвестный и скромный чем Не спрашивай о дне возвращения ник, прежнее волнение медленно схлынуло, словно публику облили ледяной водой.

Можно было даже сказать, что после этого конкурса фейковый ник Папа□Котика стал известен большому количеству людей, чем настоящий Гуси летят на север.

Ци Цзин слегка нахмурился, но ничего не сказал.

Так было и раньше.

Прежде Шень Янь точно так же под неприметным именем тихо помогал всем продюсерам, которые пытались найти людей на замену, и исчезал, как только заканчивал свою часть работы. Поскольку он брался в основном за проходных персонажей с несколькими репликами диалога, ник Гуси летят на север обычно появлялся в самом конце списка актерского состава, а порой, если его просто забывали туда добавить, никто этого не замечал, и это ничего не изменяло.

И точно так же, когда он тайком подменил великого бога во время прогона, никто не упомянул об этом факте, когда аудиодрама вышла в свет. Все боялись оскорбить великого бога и его фанатов.

И точно так же, когда Ци Цзин переживал свои самые мрачные дни, Шень Янь под ником Гуси летят на север присматривал и заботился о нем.

[– Разве Гуси летят на север не означает приход весны?

– Ты первый человек, кто об этом сказал.]

– Мне нравится этот ник, – внезапно заявил Ци Цзин. – Спасибо, что вернул его.

Разве сменой ID на прежний Шень Янь не сказал по сути: «Я буду играть с тобой только под этим ником»?

Когда он услышал слова Ци Цзина, его голос прозвучал немного ошарашенно:

– Прости, ник не очень известный, – при этом он слабо усмехнулся.

– Не переживай насчет чего-то типа того, – усмехнулся вместе с ним Ци Цзин, – ты сам – этого вполне достаточно.

– Угу, – этот человек не прибавил больше ничего. Все это время они были вместе – и одному

потребовалось лишь слегка коснуться темы, чтобы другой понял: их мысли и чувства больше не были загадкой. – С тобой я снова могу стать самим собой – спасибо, День Возвращения.

Он произнес ник Ци Цзина – День Возвращения – очень мягко, но именно с этим в его голосе словно открылся шлюз. Все эмоции, которые хранились за воротами шлюза, хлынули наружу – неопишуемая теплота и нежность.

Слушатели в одно мгновение одурели от шока. До этого момента большинство из них в чате все еще обсуждало проблему узнаваемости настоящего ника, но сейчас внимание аудитории немедленно переключилось на них.

Слушатель 1: ...Э?

Слушатель 2: ...Э? Я не знаю почему, но думаю, что мне надо подержаться за сердце... (Тон Папы Котика такой... нежный).

Слушатель 3: ...Он и вправду нежный. (Особенно когда он сказал: «День Возвращения», это же просто как выстрел прямо в сердце).

Слушатель 4: ...Это, хотя я знаю, что они – всего лишь друзья, но я... могу я, могу я немножко пошипперить их потихоньку? (прикрывает лицо)

Слушатель 5: QAQ Да мне вообще без разницы, как его зовут и какой у него на самом деле ник, просто я очень ценю таких АО, как он!!! У них с Днем Возвращения такой трогательный разговор! (Но, кстати говоря, они на самом деле только просто друзья?)

Слушатель 6: QAQ Денечек верно сказал, это не играет никакой роли. Если бы Папа Котика был каким-нибудь известным АО, разве мы не любили бы его из-за того, какой он есть, и как он играет? (Комментатор выше, почему мы должны шипперить их только немножко и потихоньку? Честно? Я шипплю их целиком! И, блин, полностью! Они – старые друзья, эмоциональная основа уже есть, а их разговоры так трогательно слушать, ААААА ← Мне очень жаль бойфренда Денечка IRL.)

Вероятно, из-за того, что Ци Цзин постоянно попадал в такие неприятные переплеты, группа его поклонников на этот раз быстро высказалась от его имени.

Слушатель 1: ㄗㄗ ㄗㄗ Аааах, хотя я и хочу их шипперить... Но разве это не создаст ему проблемы, если мы будем шипперить его со всеми подряд? В конце концов он ведь сам сказал, что у него есть бойфренд IRL.

Слушатель 2: ㄗㄗ ㄗㄗ Правильно! Правильно! Как фанатка Не спрашивай о дне возвращения, каждый раз, когда я вижу, как хейтеры поливают его за то, что он пользуется людьми, хотя его просто шипперят со всеми подряд, я чувствую себя такой беспомощной~ (А ведь сам-то он такой скромный)

Слушатель 3: _(:з[]∠)_ Кстати говоря, разве в то время его больше всего не хейтили на форуме из-за того, что шипперили с Башней Бронзового Воробья? Сначала они его так шипперили, теперь - еще сильнее ненавидят, фанаты Лорда Башни Бронзового Воробья уверены, что они самые сильные и в любви, и в ненависти...

Слушатель 4: _(:з[]∠)_ Нехорошо, если мы вот так будем продолжать фантазировать... Папе Котика, наверное, будет неудобно, да? (Он тоже в реале состоит в отношениях).

Слушатель 5: _(:з[]∠)_ Эээ, кто знает, может Папа Котика знаком в реале с бойфрендом Не спрашивай о дне возвращения, не будет ли ему так еще более неловко?

Слушатель 6: _(:з[]∠)_ Ага-ага, Папа Котика и Не спрашивай о дне возвращения, просто не обращайтесь на нас внимания! Просто в момент слабости мы вас немножко пошипперили (кхм-кхм, а я еще шипперила «Лимит времени» и «Долгий Срок» ← стыдливо отвожу взгляд в сторону). Но - кроме шипперства - мы не собираемся путать вашу интернет-жизнь и реал. Мы знаем, что вы - просто очень хорошие друзья, так что не переживайте!

...Пфф.

Глядя на это, Ци Цзин и правда не знал - плакать ему или смеяться. Ну конечно же, история про лживого мальчика, кричавшего «Волки!», действительно была основана на реальных событиях.

Но тем не менее, его не заботило, считает ли публика их друзьями или кем-то еще. Пока они могли выступать вместе, пусть не как любовники, и даже не как друзья, пусть даже как совершенно незнакомые друг другу люди, встретившиеся в первый раз, - как, собственно, и было, когда они встретились впервые, - он позволял голосу этого человека вести себя, пробуждать внутри всевозможные эмоции, увлекать, и вместе с ним искать прорыв в собственной игре.

Какое-то время Ци Цзин умиротворенно улыбался перед экраном, а затем ни с того ни с сего позвал этого человека уменьшительным именем, которым до этого никогда не пользовался, но всегда высматривал возможность попробовать:

- А-Янь. [Прим. англ пер. Напоминание: «Янь» (𠂇) в имени Шень Яня значит «Дикий гусь», и этот тот же иероглиф, который есть в его нике «Гуси летят на север», поэтому публика не догадывается, что Ци Цзин знает настоящее имя Шень Яня. Ну и добавить А- перед одним из иероглифов из имени – очень непринужденный и интимный способ обратиться к члену семьи или близкому человеку.]

Ци Цзин для себя определил это как маленький ответ на «хитрость» Шень Яня. Ему было слишком неловко называть его так в лицо, поэтому он сделал это только сейчас.

Он не знал, что об этом думает человек на другом конце связи, – тот ничего не сказал. Но беспокоиться об этом нужды не было, все было в порядке – раз тот это услышал. Ци Цзин прикусил губу, изо всех сил пытаясь сдержать смех:

- Я готов, а ты?

Прошло много времени до того, как этот человек тихо ответил:

- Угу.

Ци Цзин на самом деле хотел увидеть выражение его лица в этот момент.

Хотя он не знал, какое выражение лица было у Шень Яня, выражения публики были до забавного совершенно одинаковыми.

Слушатель 1: ▯ ▯!!!!!! (←Только эти восклицательные знаки могут передать сейчас мои чувства)

Слушатель 2: ▯ ▯ ...Я совершенно точно решила больше не предаваться своим фантазиям, но увы... Вы что, пытаетесь заставить меня подавлять их, пока они не навредят мне изнутри? (катается и катается по полу!)

Слушатель 3: ▯ ▯ Что! Же! Это! Такое! А-Янь! (этот удар по моему сердечку будет посильней, чем День Возвращения вотпрямщас).

Слушатель 4: ▯ ▯ Что! Же! Это! Такое! А-Янь! (Понятия не имею, что сказать, могу только вопить).

Слушатель 5: ▯ ▯ Что! Же! Это! Такое! А-Янь! (Оказывается, они не просто друг друга знают, у них уже настолько хорошие отношения?!)

Слушатель 6: ▢ ▢ ▢ Да мне плевать, 2D – это 2D, разрешите шипперить «Возвращение Гусей», поэзия! От «Возвращения Гусей» у меня чувство типа «Радуга после бури»!!!

– Ну что ж, начинается отсчет времени для группы №67, – Ян Чуньцой повысила голос, ее оживленная интонация наконец-то смогла прорваться сквозь горячие дебаты и вернуть все внимание к ведущей.

Но вскоре фокус внимания снова сместился, так как в течение всех последующих шестидесяти секунд все огни, не упуская ни мгновения, горели лишь для ▢ Не спрашивай о дне возвращения ▢ и ▢ Гуси летят на север ▢.

Пока цифры на таймере сменялись с 0:00 на 0:01, Ци Цзин опустил глаза, а потом закрыл их. Как будто закрыл за собой дверь в реальность.

Кругом царила тьма.

Кругом царила тьма.

Образы, рождавшиеся из первых реплик, которые он только что пробежал глазами, начали возникать в темноте; слова, шрифты вырывались из экрана, превращались в звуки, падали перед ним – звуки приближались издали. Он как будто слышал шум ветра, шелест танцующей под ним травы и едва слышимый шорох, который издает одежда при движении. Но среди этих неясных фоновых шумов ни один не привлек его внимания так быстро, как единственный звук удара, заманивший Ци Цзина в ловушку этой сцены.

В этой сцене были два сидящих человека, одна сияющая луна, одна аллея в тени деревьев, одна жилая комната, один длинный стол, один кувшин вина и пара чашек.

И одна из этих чашек только что разбилась.

Она разбилась, потому что державшая ее рука дрогнула, ослабила хватку – вот выпавшая из нее чаша упала на пол и разлетелась на осколки. А причина, по которой рука дрогнула, заключалась в том, что сидевший перед ним человек в безумном порыве схватил его за запястье.

В этот момент у [Фан Ишэна] в диалоге не было еще ни одной реплики. Взять инициативу на себя должен был [Бай Ке].

Но тем не менее, отреагировать [Фан Ишэн] должен был первым. В отличие от уже отредактированной аудиодрамы в эту сцену не было добавлено никаких звуковых эффектов, поэтому основной проблемой было то, как дать публике услышать ремарку: [Бай Ке]

безжалостно схватил [Фан Ишэна] за руку.

- Угх... - подумав об этом, Ци Цзин почувствовал холодок в сердце и бессознательно втянул полный рот холодного воздуха с приглушенным стоном боли.

Так как [Бай Ке] причинил ему вред в припадке безумия и приложил немало сил, запястье [Фан Ишэна] болело так, как будто его сломали. А поскольку Ци Цзин переживал шок от перелома костей, он с легкостью вспомнил свои тогдашние ощущения, и стон, который он издал, получился невероятно правдоподобным.

Это была не только рука - горло, которое обожгло крепким вином, тоже болело. Боль пронзила весь его живот, как будто внутри проворачивали нож. Он не мог сказать, было ли это связано с самим вином или с ядом, который в нем находился.

И правда, в вине был яд.

А так как он уже знал об этом до того, как выпил вино, в тот момент, когда яд подействовал, он не выказал никаких признаков удивления, вместо этого решив терпеть боль. Голос следовал за ходом его мыслей, потому что после первого стога боли он стиснул зубы, не выпуская наружу второй.

В это время в наушника внезапно раздался рык:

- Фан Ишэн! - по сравнению с невнятным вздохом Ци Цзина он был очень мощным, как пуля, вылетевшая из ствола и ударившая ему в уши.

Но это был не уверенный и твердый одиночный выстрел, а скорее шальная пуля, выпущенная из пистолета, который держала трясущаяся рука. Звук был мощным и пронзительным, но на самом деле за ним можно было расслышать слабость.

Поскольку натиск этого голоса оказался слишком силен, Ци Цзин и вправду сильно задрожал, как будто его на самом деле пронзила пуля. Дыхание у него на мгновение остановилось.

Но когда этот человек заговорил во второй раз, его голос понизился, будто бы он понял, что колебания показывают - какая-то его внутренняя часть не хочет убивать другого. Это осознание встревожило его, рассердило, озлобило и заставило слегка заколебаться.

- ...Фан...И...Шэн.

Он судорожно вздохнул, а затем позвал его снова:

- ...Фан Ишэн... - окликнув его в третий раз, он начал судорожно дышать. Его голос дрожал,

приглушенные, прерывистые рыдания вырывались из-под вздохов. – Хн...

Ци Цзин почувствовал, как что-то сдавило ему грудь. Заговорить было невозможно.

Если первый оклик [Бай Ке] походил на удар пули в тело, то второй и третий – на то, как пулю вырезают из раны. Первое было атакой, а последнее стало пыткой.

Именно в этот момент они должны были стать врагами. Но... Слушая эту сцену, он видел в ней не только злобу и ненависть. Это происходило не потому, что игравший с ним человек был одновременно его возлюбленным, – слушая его как персонажа, Ци Цзин улавливал следы эмоций, развивавшихся в этих трех окликах.

Слушатель 1: ㄗㄗ ㄗㄗ ...Эта сюжетная линия...

Слушатель 2: ㄗㄗ ㄗㄗ ...Они и правда выбрали эту сюжетную линию... ААААА! Организаторы! Вы – настоящие злые гении ангста!

Слушатель 3: Я просто знала, что это прослушивание обречено быть ангстовым, как только увидела имена персонажей... _(з□△)_

Слушатель 4: Как только я увидела, что Папа Котика будет играть [Бай Ке], я знала, что это будет боооооль... Это все потому, что он показывает, что у каждого, даже самого противного персонажа есть какая-то жалкая сторона (это в основном из-за его типа голоса и стиля игры). А потом, когда я увидела, что Денечек будет играть [Фан Ишэна], я просто... (а это в основном из-за контраста с тем флафным вступлением). Немного раздражает. _(з□△)_

Слушатель 5: ㄗㄗ ㄗㄗ Как говорит комментатор выше... Когда я вспоминаю их безмятежные (?) и гармоничные времена, мне от этого становится еще больнее, ааааа!

Слушатель 6: ㄗㄗ ㄗㄗ Да что с тобой, чего ты его хватаешь за руку после того, как отравил? (если учесть, что это не романтическое развитие сюжета).

Эпизод, выбранный организаторами для финала, представлял собой сцену, в которой [Бай Ке] отравил [Фан Ишэна]. Эта же сцена символизировала разрыв их отношений.

Согласно тому, что было описано в романе, [Бай Ке] взял в доме [Янь Булю] какой-то необычный яд и скрытно добавил его в вино, а затем побудил [Фан Ишэна] выпить, произнеся за него тост. Он совсем не ожидал, что [Фан Ишэн] на самом деле поднимет свою чашу,

собираясь осушить ее одним глотком. В этот момент [Бай Ке] дрогнул и помимо воли схватил того за запястье, но, к сожалению, когда чаша упала на пол, вино в ней уже убавилось наполовину.

Вплоть до этой точки единственными словами, обозначенными в официально представленных репликах сценария, было имя «Фан Ишэн». Всего лишь два слова, но смысл, воплощенный голосами вживую, был намного шире. Вдох, вздох, всхлип... все это было частью игры.

До этого момента прошла всего лишь дюжина секунд, но спектакль позволил публике услышать отрезок времени, измеряемый дюжиной минут, дней и даже лет, то, как персонажи растут и меняются за эти секунды.

В жизни [Фан Ишэну] встречались только два типа людей.

Первым типом были такие, как [Янь Булю]. Они всегда держались начеку, использовали любое преимущество, которое могли получить, избавлялись от любого препятствия, которое встречалось у них на пути, и в любой момент лишь «чары невнимательности» могли отнять их жизнь. Другой тип людей походил на [Люй Вэя], который глубоко уважал и почитал его, полностью доверял ему, и даже был готов отдать за него жизнь.

А [Бай Ке] не принадлежал ни к одному из них.

Или, если быть точным, на данный момент [Бай Ке] обладал свойствами обоих этих типов. Сначала почтительность и благодарность, затем ненависть и жажда мщения, – все смешалось воедино, и это уже не так-то просто было описать. Вот поэтому за те три раза, когда [Бай Ке] окликнул [Фан Ишэна], у него в сознании произошел переход между двумя совершенно противоположными мыслями – от намерения убить он пришел к беспокойству за его жизнь.

К тому же в жизни [Фан Ишэна] существовало два варианта отношения к людям и собственного поведения.

С такими, как [Янь Булю], он всегда тщательно все просчитывал и двигался вперед шаг за шагом – хитроумно, загадочно и коварно. С такими, как [Люй Вэй], он, напротив, был честен и спокоен, вел себя естественно и никогда не стеснялся говорить открыто, без осмотрительности и расчетов.

Но его отношение к [Бай Ке] тоже не укладывалось ни в один из них.

С самого начала то, что он ему говорил, было не совсем правдой, полуправдой, смешанной с половиной лжи, поэтому, когда [Бай Ке] бессердечно допрашивал [Фан Ишэна], он не сказал ни слова, будучи не в силах внятно объяснить свои действия. Но видеть, как тот полностью не верит этой полуправде после того, как сам сказал ему полуложь... это и впрямь было агонией.

И настолько невыносимой агонией, что [Фан Ишэн], опустив глаза и увидев чашу с отравленным вином, которую передал ему [Бай Ке], не стал от нее отказываться. И ведь все равно, в конце концов тот об этом пожалел.

Это было еще больнее.

[Фан Ишэн] знал, что этот человек был совсем не великодушным, мрачным, с эксцентрическим характером, но в душе он злым не был. Его довели до убийства. Поэтому [Фан Ишэн] вместо того, чтобы в первом порыве сразу же обвинить [Бай Ке], сказав: «Так ты и впрямь стал таким человеком», скорее винил себя – «Оказывается, я и впрямь был способен довести человека до такого финала».

Шень Янь говорил это раньше – если бы не его дедушка, то он, возможно, стал бы таким же человеком, как и [Бай Ке].

Так каким же человеком был [Бай Ке]?

Пока он находился под началом своего учителя, в романе этот обычно дотошный, строгий и не улыбкачивый человек описывался как «господин с холодным лицом». В глазах посторонних он был подобен пруду с чистой водой, но они никогда не осознавали, что под этой водой лежало множество слоев ила, и, если их потревожить, грязь могла замутировать весь пруд.

Но несмотря на это, пока ил лежал на дне, внутренний мир [Бай Ке] оставался чистым прудом.

И именно из-за своей противоречивой натуры, не тот, кто был отравлен, а тот, кто стал отравителем после долгой борьбы, пребывал в бóльшем отчаянии. Но разве [Фан Ишэн], наблюдавший за этим со стороны, останется безучастным? Не предпримет никаких действий?

Нет.

В этот момент губы Ци Цзина слегка шевельнулись. Он еле слышно спросил:

– Ты когда-нибудь убивал человека?

Дыхание Шень Яня на мгновение остановилось.

Ци Цзин услышал, как он медленно сглотнул. Горло шевельнулось с большим трудом, лишь потом впустив воздух в легкие. На этот раз звук был резким и неустойчивым – звук человека изо всех сил отказывающегося говорить. Шум производило только хриплое носовое дыхание, но оно создавало еще более удушающее впечатление, чем если бы Шень Янь не издавал ни звука.

[Бай Ке] обладал запредельно великим эго.

Поэтому, даже если он делал это в первый раз, он не признался бы, потому что не хотел, чтобы хоть кто-нибудь увидел его страх.

Однако [Фан Ишэн] знал, что он боится, поэтому прозвучал не вопрос, а скорее начало утвердительного предложения. Ци Цзин избавился от всех эмоций в голосе, механически излагая правду.

- В твоём клинке - сильная злоба, но нет зловония крови, - и впрямь, так не похоже на него самого, того, кто убил бесчисленное количество людей. - В отличие от... меня.

Он подумал о крови, которая пропитала его руки и самоиронично рассмеялся. Смех звучал невесело - он смеялся над возмездием, которое в конце концов в этот день пришло к нему.

Но этот человек решил, что [Фан Ишэн] издевается над тем, что он никогда не убивал. Его дыхание стало более неровным, резкий хрип снова и снова перехватывал ему горло, голос у него дрожал; голос, как и эмоции, контролировать он не мог.

- Ты... ты заранее это предвидел? Ты знал, что я был неспособным убить тебя трусом, не смел нанести последний удар? И ты даже не попытался уклониться от удара, ждал, что я выставлю себя дураком, чтобы посмеяться?

Тут его голос внезапно прервался.

Эти реплики должны были создать эскалацию - не только в голосе, который становился все сильнее и выше, но и в чувствах героя. Любой другой участник решил бы продолжать этот подъем, доведя его в последней реплике до кульминации, но Шень Янь решил остановиться на этом месте. Все ожидали, что он потянет их в высоту, а он стремительно нырнул вниз.

Чем предыдущая часть была злее, чем она была свирепее, тем больше последующая походила на смерть сердца.

- [Фан Ишэн], - он больше не кричал, не ругался, как бы возвращаясь в прежнее состояние пруда с прозрачной водой, такой безмолвный и неподвижный, что ни малейшая рябь не тревожила его гладь. - В глубине души ты правда... смотришь на меня свысока?

<http://bllate.org/book/13906/1225666>